

## Семантика множественного числа в монгольских языках

Категория грамматического числа характерна для имени существительного, местоимения и глагола. Грамматическое число присутствует – не только синтаксически, но и своими формальными показателями – даже в том, где нет непосредственной оппозиции единственного и множественного, в *singularia* и *pluralia tantum*.

Формальные различия, служащие для выражения числовой оппозиции, отличаются своей четкостью. Через всю систему склонения нередко проходит формальная невыявленность противопоставления падежа, не говоря о частичных совпадениях, которые охватывают не всю область склонения, а только отдельные его виды; то же имеет место в системе спряжения, где могут отсутствовать различия вида или лиц. Между тем формальная невыявленность числовой оппозиции есть нечто совершенно спорадическое, характерное для системы агглютинации в целом – такова, например, *дегтр аву* “книгу взял”, представляющая собой плюрализацию сингулярных форм.

Для категории числа характерна ее синтаксическая значимость, выражающаяся посредством различных сложно-номинативных словосочетаний, в которых главную роль играют специфические определительные слова, и многообразие семантических функций числовой оппозиции.

Синтаксические и семантические противоречия, связанные с категорией числа, доставляли немало трудностей уже античным грамматикам, которые и создали традиционно сохраняющийся в монголоведении термин *то* “число” для обозначения морфологической оппозиции множественности и единичности (нулевой показатель). Термин *то* “число” односторонен в применении к единичности и совсем не характеризует семантики множественности: факт числового определителя отсутствует.

Впрочем, в грамматиках монгольских языков термины *нег то* “единственное число” и *олн то* “множественное число” переводятся как противопоставление “один” и “много”. С “числами” мы

встречаемся, наблюдая древнемонгольский язык с первой половины XIII в. и по сей день. С. А. Козин считает, что в монгольском языке почти все части речи способны причислять множественные показатели, например, *uridus*, *хоуитус* (*хоуиту* < *хоуар*).

Противоставление “один” и “много” наталкивает на ряд трудностей. Морфология оказывается в противоречии с семантикой. Это, видимо, потому, что в монгольских системах языкового мышления отсутствует грамматическая категория рода и согласование в роде, числе, падеже, что отражается на категории множественности. Объекты мыслятся как собирательные понятия или как множественные понятия с должным первообразным оформлением. Если понятия множественности никогда не мыслятся в единственном числе, то собирательные понятия, выражающие абстрактную множественность, в речи могут применяться как в единственном, так и во множественном числе. Как писал в свое время академик С. А. Козин, “представление о собирательном значении наименования всех объектов настолько привычно и устойчиво, настолько прочно они мыслятся как собирательная единица, как одно собирательное целое, что название одного из парных объектов выражается подстановкой слова половина (*örögeli*), например, говоря *nidün* “глаз”, мыслится парное единство, т. е. глаза, и чтобы выразить, что дело идет об одном глазе, говорят *örögeli nidün*, т. е. половина глазного парного единства – один глаз” [2, с. 121].

Мы располагаем достаточно богатым материалом для изучения категории грамматического числа, используя готовые показания о соответствиях XIII–XVII вв., данные в текстах “Алтан тобчи” Лубсан Данзана. Отсутствие в монгольских языках формально и строго выраженных показателей единичности и множественности обуславливает нужные замещения синтаксическими средствами, которые реализуются в широком применении аналитических конструкций разных типов, например, *olon aduu* “многочисленный табун”, *olon küün* “множество людей”, *ösiten tatar* “татарское злобное племя”.

Примеры из “Алтан тобчи”, в которых показатели единственного относятся к множеству: *modu ebesü ügei үаяаг modu ebesü иүүји*, букв. “дерево трава нет земля – дерево трава вырос”, т. е. В

А стране, где не было ни деревьев, ни трав, выросли деревья и травы. Или: *gasiyan науур bulay delberejü*, букв. “целебный родник, озеро, источник заструился”, т. е. заструились целебные родники, озера и источники. Или: *altan üsüg-iyer bičig bičiji*, букв. “золото буквой письмо написал”, т. е. золотыми буквами письмо написал.

Примеры множественного, относящиеся к единственному, как *Merkid* “меркит”, *Oyirad* “ойрат”, *Olxonud* “олхонут”, *Tayičüd* “тайчиут” и др.

Противоречие между значением слова и его оформлением обнаруживается в противопоставлении единичности и множественности. Но и при наличии морфологического противопоставления чисел семантическая корреляция не всегда укладывается в рамки “числового отношения”. Например, множественности может противостоять единичность как собирательное: *ulus* (*үurban nutuу ulus*, букв.: три кочевье народ, т. е. народ трех кочевий); *kümün* (*јауun minуan күmүн*, букв.: сто тысяча человек, т. е. сто тысяч человек).

Также множественности может противостоять единичность как вещественно-собирательное, например, *elesün* “песок”, *časun* “снег” и как отвлеченное в противоположность его конкретным проявлениям: *osü gem* “ненависть и коварство” и *ösüd gem* “ненависти и коварства”, например, *Ösüd gem ülü talbiүči jögelen уон-qor metü Torqon sira mini či nige üge ögüle gebe* “Говори ты, Торгон шара, таящий ненависть и коварство”.

Вышеназванные семантические функции множественности отнюдь не являются особенностью, характерной только для старописьменного монгольского языка. Эти функции не в меньшей мере свойственны и современным монгольским языкам, во многом сходны с тем, что имеет место в русском языке.

В монголоведении была проделана значительная работа по изучению категории числа имен, впрочем, исследователи монгольских языков занимались выявлением показателей множественного числа и практически не обращали внимания на единственное число.

По иному пути пошел Ц. Б. Цыдендамбаев, который, рассматривая употребление форм множественного числа бурятских имен, констатирует, что они образуются на базе основы имени,



не имеющей числовой маркировки. Действительно, основа имени является морфологически общей для выражения таких понятий, как единичность и множественность. Ц. Б. Цидендамбаев совершенно справедливо отмечает, что вряд ли может быть оправдано следование монголоведов европейской традиции подразделения имен на формы единственного и множественного числа. Он пишет, что “речь идет об оформленной грамматической категории, а не о лексико-семантическом значении единственного числа” [5].

Категория множественности – явление историческое, создавшееся на определенной ступени языкового развития, и тесно связано с особыми значениями множественного числа. Как пишет Л. Леви-Брюль, “за единой категорией отвлеченного множества лежат разнообразные категории конкретных, специфических множеств, отличных в зависимости как от характера предметов, составляющих множество, от принадлежности их к тому или иному “классу” имен, так и от различной в количественной мощности множества ... или в способе его составления” [3, с. 96]. Применительно к современному русскому языку академик В. В. Виноградов как бы констатирует вышеизложенное: “...семантическим фоном столкновения разных языковых тенденций в структуре множественного числа является антитеза между раздельным множеством отдельных единиц и коллективной совокупностью или сплошной массой однородных предметов” [1, с. 106]. Это лишний раз говорит о наличии в грамматическом числе смысловых противопоставлений, которые зародили саму категорию множественности.

Противоречия категории числа обнаруживаются не только в семантике, но и в синтаксисе. В языке XIII в. наблюдаем согласование при именных и количественных определениях, например, *dogvon koud, sayid okid*, что уже немыслимо в современных языках.

Примеры формального согласования из языка памятников: *Dayir Boro хоуар аqtastu bulee* “Было у него два мерина, Дайр и Боро”; *Qurban neurid yajara xaxaxu bulee* “Мог видеть на расстоянии трех кочевков” (Сокр. сказ., § 3, 4, 10, 11); *Čingis хауан аrбап yurban küriyed bolüge* (АТ I, с. 75) “У Чингис-хана было трина-

дцать куреней”; *Artayul irgendür doluyan od yabuji* (АТ II, с. 85) “Семь лет пробыл у сартульского народа”.

Согласно С. А. Козину, “язык 13 столетия устанавливает правило об обязательном согласовании в числе расположенных имен: *sayin okin, sayid*. Однако правило это ограничивается целой системой исключений смыслового, логического характера. Числовой определитель требует определенного во множественном числе, в каком бы числе ни стоял определитель” [2, с. 125].

В языке XVII в. уже произошел сдвиг в употреблении форм множественного числа в сторону языковых норм, но, как замечает М. Н. Орловская, “употребление множественного числа в “Алтан тобчи” довольно существенно отличается от того, что мы находим в современном языке” [4, с. 60]. Эти синтаксические противоречия и отклонения от современных норм в памятниках дают богатый материал для грамматических изысканий и открывают возможность разобраться в путях развития категории множественности.

Противоречие категории числа обнаруживается и при морфологическом анализе. Если в древнемонгольском языке все агглютинативные образования причастны к категории множественного числа, то и категория множественного числа находит свое формальное выражение в аффиксах. Монгольская основа имени (как и глагола) безразлична к количественному восприятию обозначаемых ими объектов. Собирательность может быть выражена аффиксально, но калмыцкий, бурятский и монгольский языки не обладают аффиксами единичности или множественности, а в тех словах, где такие аффиксы имеются, они более раннего происхождения и находятся в застывшей форме, например, *арад* “народ”, *амитан* “живые существа”, *хавстан* “капуста”, *эхэнэр* “жена”. Числовая индифферентность основы особенно ясна в словах, обозначающих духовное качество, психическое состояние, чувства и т. п.; выражающих абстрактно-идеологические, религиозно-нравственные и тому подобные представления; обозначающих явления природы, болезни; определяющих общественные отношения, социально-экономические и культурно-просветительские понятия; обозначающих названия предметов обихода, некоторых орудий труда и приспособлений в форме отгла-



гольных образований; названия трав, ягод, овощей, фруктов; названия веществ, в том числе минералов и металлов, а также названия некоторых продуктов и материалов; выражающих физическое состояние и движение, живых существ, названия частей тела животных и человека.

Показательно и то, что в древнем языке отсутствуют супплетивные формы числа личных местоимений, так как все местоимения, по словам С. А. Козина, принимают форму множественного числа. Ср.:

калм. язык	монг. язык	бур. язык
би – бидн	би – бид	би – бидэ
та – тадн (таанр)	та – та нар	та – гаанар
тер – тедн	тэр – тэд	тэрэ – тэдэ

В калмыцких личных местоимениях появляются двойные показатели множественного числа. Это, видимо, вызвано тем, что значение множественного числа в современном калмыцком языке ослаблено. По наблюдению Ц. Б. Цыдендамбаева, простые суффиксы множественности выражают ограниченное (или незначительное) множество.

Согласно норме (монгольского) синтаксиса, глагольный предикат ставится во множественном числе при подлежащем, выраженном личным местоимением, между тем как при подлежащем, выраженном во множественном числе, глагольный предикат стоит в единственном числе. Ср.:

калм. язык

*Би ирүв* “Я пришел”

*Та ирүт* “Вы пришли”

*Куукн ирв* “Девочка пришла”

*Куукд ирв* “Дети пришли”

В монгольском языке множественность деятелей выражается аффиксом *-цгаа* со значением множественности, например, *сууцгаая* “сядемте”, *явүцгаая* “пойдемте”.

Это особое положение своеобразного согласования по лицу и предикату свойственно и древнему языку. Перед нами синтаксический архаизм, т. е. отклонение от обычной синтаксической нормы, позволяющее определить семантику множественного числа предиката, который выражает не раздельную множественность, а собирательность и соответственно сочетается с личным местоимением во множественном числе.

А  
Так, рядом с обычным согласованием по лицу и предикату для калмыцкого языка характерно употребление единственного числа глагола при подлежащем во множественном числе.

В примере *куукд ирв* (букв. “дети пришел”, т. е. дети пришли) синтаксическое противоречие согласования глагола в единственном числе с подлежащим множественного числа получает таким образом объяснение в возникновении множественного числа подлежащего из категории собирательности, что устанавливается не только семантически, но и морфологически.

Выше рассматривалось множественное число в его противопоставлении с единственным; теперь необходимо взглянуть на него с точки зрения оппозиции числовых определителей. Для характеристики множественного числа в монгольских языках следует отметить, что существительное при числительных не ставится во множественном числе. Это происходит по причине того, что идея собирательности, множества заключалась уже в самом слове.

Примеры: *нег гер* “один дом”, *хойр, арвн, зун гер* – букв. “два, десять, сто дом”.

По наблюдению С. А. Козина, многие количественные числительные в древнем монгольском принимают множественное число со значением предположительной множественности.

Грамматическое множественное число характеризует историческое состояние монгольских языков и длительный процесс развития мышления и языковых категорий, которые вступали между собой в противоречия, сменяя и покрывая друг друга. В множественном числе монгольских языков, как основной грамматической категории основы имени, с момента закрепления парадигмы склонения имен лежат многообразные значения тех категорий, которые заменены категорией множественности и семантически, и синтаксически. Некоторые виды употребления множественного числа, которые связаны с отвлеченными понятиями, ослабевали в языке XVII в., но такие типы семантических функций как значение собирательной совокупности, собирательной вещественности, заложенные в категории монгольского множественного числа, сохраняются в живых монгольских языках и по сей день.

## Литература

1. Виноградов В. В. Современный русский язык. М., 1938.
2. Козин С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольском // Учен. зап. Серия филол. наук, вып. 10. Л., 1946.
3. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
4. Орловская М. Н. Язык "Алтан тобчи". М., 1984.
5. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.